

«Я полностью порвала со своим отцом»

Дочь всемирно известного американского

кинсактера говорит, что в убийстве ее

друга в мае 1990 года повинен и ее отец

Оливье РУАЯН и Питер МАНСО

«ПАРИ-МАТЧ», ПАРИЖ.

— ПРИ каких обстоятельствах вы приехали в Беркли?

— Я приехала сюда 2 февраля. И с тех пор живу в довольно трудных условиях, ведь сделала это не по доброй воле, а по совету врача в Лос-Анджелесе.

— Что определило их выбор? Считали ли они необходимым, чтобы вы жили подальше от своего отца?

— Может быть, и так. В Лос-Анджелесе у меня с отцом произошла ссора. Я сказала: и ты повинен в убийстве Дага Дроле, ты позволил убить моего жениха.

— Как началась ссора?

— Я много думаю о Даге. В тот вечер вновь и вновь мысленно возвращалась к ночи, когда произошло убийство.

— Почему вы выбрали именно этот вечер, чтобы поговорить о нем со своим отцом?

— Я была очень зла на него. Потому что знала — он имеет какое-то отношение к смерти Дага. И была в бешенстве. Мы оставались одни в доме. Я постучала ему в дверь. Отец вышел, и мы подрались.

— Такое случилось впервые?

— Да.

— А что произошло потом?

— Я вернулась в комнату, где умер Даг. Пришел отец и сказал: «Здесь люди из Общинного психиатрического центра, они заберут тебя. Тебе нужна помощь».

— Сколько времени вы находились в центре?

— Примерно полтора месяца.

— Навещал ли он вас в больнице?

— Да, снова был крупный разговор, произошла еще одна перепалка.

— Как вы объясняете его поведение?

— Он хочет уверить весь мир, что я сумасшедшая. И чтобы все думали, будто он помогает мне. Но это не так. Он ведет двойную игру.

— Как вам живется через шесть месяцев после отъезда из Лос-Анджелеса?

— Я сильно переменялась. И полностью порвала с отцом. Мой день рождения 20 февраля, а он не прислал даже поздравительной открытки. Думаю, что поняла его истинную сущность. Иногда кажется, что у него нет совести. Его манера говорить — «Я отдал бы за тебя жизнь» — вряд ли искренна.

— На протяжении всего так называемого «дела Брандо» вы выступаете одновременно и как главный свидетель, ключ ко всему делу, и как свидетель неустойчивый, подверженный депрессии, принимающий успокоительные средства, с тягой к самоубийству, следовательно, как свидетель, которому вряд ли можно доверять. Каков официальный диагноз врачей относительно вас?

— Они сказали, что у меня шизофрения.

— А как вы реагировали на столь суровый диагноз?

— Я была возмущена, что меня принимают за сумасшедшую.

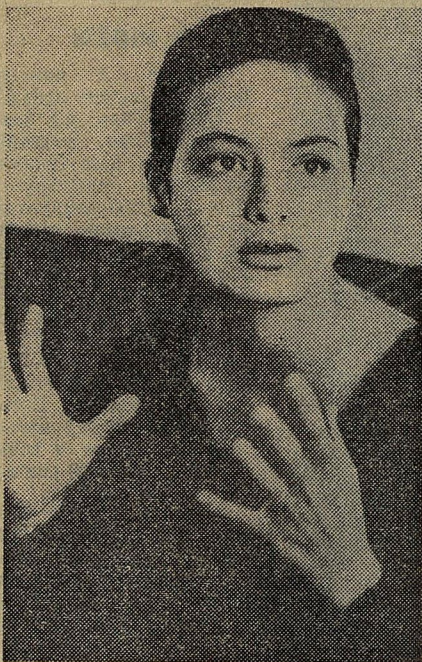
— А сейчас что говорит медицина?

— Мне намного лучше. Я доверяю своему врачу в Лос-Анджелесе. И принимаю очень легкие лекарства. Меня неотступно преследует мысль, что меня засадят в дом для умалишенных. Боюсь, таково сокровенное желание моего отца. Вообще, когда он чего-то хочет, он этого добивается. Как и в этом лечебном пансионе, где я сейчас, врачи, очарованные Марлоном Брандо, говорят больше с моим отцом, а не со мной. Это нормально, ведь он им платит.

— Почему ваш отец хотел поместить вас в больницу-интернат?

— Потому что он хочет контролировать мое сознание и поведение.

— Во время долгого следствия по делу о смерти Дага Дроле ваши показания отличались множеством противоречий. Где вы были в тот вечер

Его дочь Шейен.

«Пари-матч», Париж.

16 мая 1990 года после 22 часов, в момент, когда раздался выстрел? На кухне? В зале? В своей комнате?

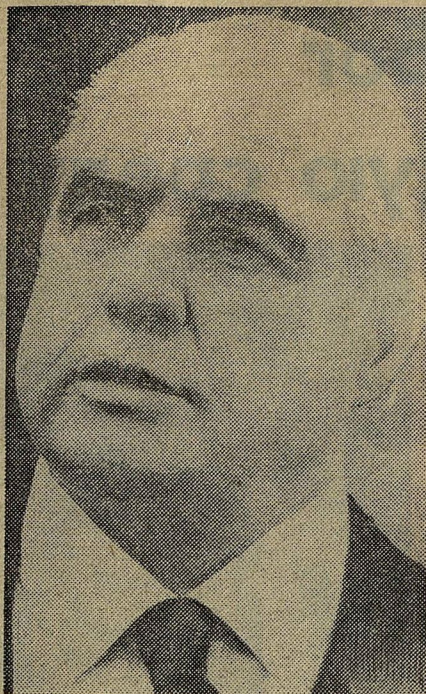
— Я была на кухне, когда услышала выстрел.

— На следствии ваш отец утверждал, что в своей комнате он ничего не слышал.

— Звук был очень громкий. Я сейчас же пошла в телезал, рядом с комнатой отца. И села на пол. Про себя сказала: «Пожалуйста, пусть это не случится».

— Ваш отец сначала не поверил вашему брату Кристиану, когда тот сказал, что убил Дага. Говорил ли вам что-нибудь Кристиан или у вас было недоброе предчувствие?

— Кристиан ничего мне не говорил... (Она замолкает.) Нет, да, у него были такие слова. Он сказал: «Итак, я его убил».

Марлон Брандо.

— Он был спокоен?

— Спокоен.

— У него было в руках оружие?

— Нет.

— А что было потом?

— После выстрела я не хотела входить в комнату, где был Даг. И хотела покончить с собой, убить себя и ребенка, которого носила. Но мне стало страшно.

— Если бы в Лос-Анджелесе в июне 1990 года, месяц спустя после смерти Дага, вы могли давать показания, что бы вы сказали следователям?

— Сказала бы, что отец несет ответственность за смерть моего жениха.

— А чем бы вы могли обосновать столь серьезное обвинение?

— Тем, что отец просил Кристиана вернуть оружие в тот вечер, а Кристиан возбужденно крутился вокруг Дага. Он сказал мне, что собирается его убить просто так, без всякой причины.

— Ваш отец дал следователям весьма убедительное объяснение, почему потребовал от Кристиана вернуть оружие. Ведь ваш брат часто напивался, и отец опасался за пьяного сына с оружием в руках... А слова Кристиана «я убью Дага» не вызвали у вас тревоги?

— Нет. Мне и в голову это не приходило. Они казались друзьями.

— Кого вы считаете больше всего виновным?

— Обоих: Кристиана и отца.

— Чувствует ли ваш отец вину за произошедшее в его доме?

— Нет. Он всегда считал себя человеком неординарным, великим. Вам нужно было видеть, какие слезы он проливал в этот вечер: эти слезы были такие фальшивые!

— В выдвигаемых вами против отца обвинениях трудно уловить «побудительную причину». Не было ли в прошлом какой-нибудь размолвки между Дагом и Марлоном Брандо?

— Отец никогда не хотел, чтобы я была с Дагом.

— В первые часы следствия вы сделали полицейским сногшибательное заявление, сказав: «Знайте, это убийство!» Что вы имели в виду?

— Я подумала о «Крестном отце». Отец по-разному изображал свою жизнь. «Крестный отец» — одно из его воплощений.

— Узнаете ли вы в фильме черты своего отца?

— Это подлинный Марлон Брандо. Могущественный человек, способный манипулировать людьми. Пожалуй, и сегодня отец психологически влияет на меня.

— Расскажите о ваших отношениях с отцом.

— Я всегда была «жертвой» Марлона Брандо, агнцем, предназначенным для его удовольствия. Первые воспоминания — когда мне было 7 лет.

— Как вы могли бы охарактеризовать «сексуальные домогательства», жертвой которых якобы стали?

— Отец вел себя со мной очень странно, касался моей груди, массажировал меня, когда я лежала в постели. И продолжал это, даже когда я была уже с Дагом. До известной степени с его стороны это была игра, я же, будучи ребенком, не всегда понимала, что происходит.

— Вы никогда не задавались вопросом об отношениях вашего отца с женщинами?

— Да, конечно. Он всегда разбивал сердца женщин, с которыми был.

— А себя вы не считаете в их числе?

— Я не считаю себя одним из разбитых им сердец. Он уже не имеет власти надо мной. Моя любовь к нему угасла.

— Изменился ли он после драмы 16 мая 1990 года?

— Изменился голос. Он стал более мрачным.

— Как вы считаете, следовало бы предъявить обвинение вашему отцу?

— Да. Хочу, чтобы его судили. Не столько за мою жизнь, сколько за смерть Дага... И я никогда уже не соглашусь, чтобы отец имел надо мной власть. Покинув эту страну, я больше сюда не вернусь.

— Как, по вашему мнению, ваш отец отреагирует на это интервью?

— Предпочитаю не думать, хотя и говорила об этом с врачом.

— Беспоконт ли вас непредсказуемая реакция вашего отца?

— Отчасти, тем более что я все еще живу в Соединенных Штатах.